

## 9 МАЯ В БАЛТИЙСКЕ

Обозначились чертой  
Корабли на горизонте.  
Чайка вскрикнула в полёте  
Над свинцовой волной.  
Вечной памяти гранит –  
В камень женщина одета,  
Малыша прикрыв от ветра,  
Смотрит, как заря Победы  
Над Прибалтикой горит.

## ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Днём – на «железке», на мануфактуре,  
к ночи – раскладывали лото.  
И не роптали на жизнь, ну а кто  
вдруг начинал, тут же в голос бабули  
шикали: «Что это ты, понимаешь,  
жалишься, ведь не война, не война-то!..»  
И позволялось лишь тёте Наташе,  
вдóвой, рыдать, как весной в 45-м.

## ЛЕДЕНЦЫ

Слипшиеся леденцы  
тают в ладошках.  
Мальцы,  
делим их честно, по-братски,  
словно паёк солдатский,  
и запиваем водою  
из фляжки с осколочной вмятиной,  
и гордимся страною,  
где есть такая вкуснятина.

## БОЦМАН

Поднимавшийся в атаку  
с отрядом пехоты на Балтике,  
конвоировавший английские суда в Арктике,  
повоевавший с японцами на Тихом океане  
и списанный на берег из-за контузии  
при тралении американских мин у Корейского  
полуострова,  
боцман Иван Павлович Чернавцев,  
надравшись в заплёванном павильоне  
Первомайского парка,  
не обходил лужи.

Он брёл, пошатываясь, посредине дороги,  
распевая: «Раскинулось море широко»,  
и машины осторожно его объезжали,  
а завалившись в глубокую вымоину,  
рвал на груди полосатый тельник, ревя:  
«Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”».  
Когда мы, пацаны, волокли моряка домой  
тяжеленного, как набитый камнями матрас,  
он незлобливо матерился и обещал назавтра  
накормить нас до отвала соевыми конфетами.

## ПОЛЕ 1945 ГОДА

Думали, земля не уродит:  
Столько смертоносного металла  
За войну в себя она впитала!  
Лемех в борозде гремит, звенит.  
Думали, но делали своё:  
На себе родимую вспахали,  
Зёрна, помолившись, закопали,  
Песней разогнали вороньё.  
Бабы, старики и ребягня –  
Мужики на фронте воевали –  
На поле порою ночевали, –  
Не хватало для работы дня.

Политое потом и дождём,  
Кровью окроплённое в сраженьё,  
Поле ожило – на удивленье! –  
Добрые хлеба взошли на нём.  
И когда с Победою пришли  
По домам солдаты, подавали  
На столы большие караваи –  
Дар спасённой матушки-земли.

## ОН И ОНА

Кляла, но под руки брала  
И на себе домой тащила.  
Откуда поднималась сила? –  
Об этом ведать не могла.  
А он, как малое дитя,  
Мужик о сорока годов  
Кричал отчаянно, без слов,  
Седою головой крутя,  
Скрипел зубами по утрам  
И глухо всхлипами давился...  
...А хуторской народ дивился  
Замысловатым орденам:  
Французский, польский и ещё  
Какой-то пламенно сияли.  
Позвякивали медали,  
Оттягивали плечо.  
Не инвалидом в майский день  
Он был, – защитник, победитель!  
(О, как же, ноги, вы болите,  
Когда протезами скрипите!)  
Как будто солнечная тень  
Стояла рядом, улыбалась  
Его счастливая жена.  
Ни сострадание, ни жалость –  
Ничья! –  
была им не нужна.

## БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Он бы поехал,  
поклонился печальному холмику,  
под которым отец  
уснул навсегда, –  
желанье своё  
наконец-то исполнил,  
да не знает, куда.  
Он бы показал это место  
своим потомкам.  
Может быть, когда-нибудь  
помянули деда  
горькою стопкой,  
слезу уронили на грудь.

Далеко-давно  
замолчала война,  
но в сердце его  
не утихла она,  
осколком горячим колется:  
где же отец покоится?..

\* \* \*

А в распадке – голубица,  
и на мари – голубица.  
Собираю, загребаю  
ягодки ладошками...  
Это детство снится, снится...  
Тяжелеют на ресницах,  
щиплют веки нестерпимо  
слёзы вновь непрошенные.

Неужели было это?  
Щедро раздавало лето  
пацанве послевоенной  
все свои богатства  
поровну – и не монеты,  
а закаты и рассветы  
и надежду, что однажды  
папы возвратятся.

\* \* \*

На плешивых полянах, повибитанных выпивохами,  
среди буйства черёмух, роняющих пенистый цвет,  
мы росли, словно дички, довольствуясь сызмальства  
крохами,  
в многоликой стране, отходящей от боли и бед  
недалёкой войны, о которой из первых уст знали,  
и – Закурим, товарищ! – взятяжку дымили юнцы,  
и по праздникам, помню, отцы надевали медали –  
у кого они были, конечно, отцы.

\* \* \*

Горько, больно поверить, и всё же когда-то случится –  
в неизвестную вечность последний уйдёт фронтовик.  
Будет солнце лучиться, сильнее и ярче светиться  
или дождик печальный внезапно заплачет в тот миг.

Как шинелью накроют, как знаменем, тёплые тучи:  
– Спи спокойно, солдат, под покровом святой тишины  
в небесах заповедных, где, может, не хуже – не лучше,  
чем на брэнной земле, но зато не бывает войны.